

ДУШУ ИСТОЧИТ

Каждый вдох обжигал грудь. Каждый выдох уносил с собой силы. Он бежал так отчаянно, как ещё никогда в жизни. Быстрее. Быстрее. Вот же, почти. Ещё быстрее!

Удар в барабан.

И в следующий миг он проскочил мимо.

— Не успел, — покачал головой отец.

Мэээхиро замедлился — постепенно, как его и учили, — а затем, перейдя на шаг, вернулся к точке отсчёта. Водяные часы показывали, что время истекло. Пара капель, он опоздал на пару капель...

— Прости, отец. — Мэээхиро упал на колени и склонил голову. — В следующий раз я успею. Я смогу, обещаю тебе.

— Вставай.

Он послушно поднялся, но не смел смотреть в глаза.

— Что толку в пустых обещаниях. Показывай свои намерения действиями, пустословов и без нас хватает.

— Да, отец. — Мэээхиро продолжал глядеть в землю.

— Хватит на сегодня.

— Но я не успел! — не выдержал, вскинул на отца взгляд, полный мольбы. — Я пробегу ещё раз!

— Твоё тело — не враг тебе, а друг. Знай меру в его воспитании.

— Я ещё не устал! — распалялся он.

— Ложь.

— Но я!..

— Твой дух силён, но твоей плоти нужны пища и время на отдых. — Голос отца был твёрд, и Мэзэхиро не осмелился продолжать спор. — Идём. Время завтрака. А после отправишься в школу. Не беспокойся, там тебя ещё помучают.

Он стряхнул налипшие травинки и послушно последовал за отцом.

— Для меня это не мучения. Я хочу быть лучше всех, как ты. Значит, мне нужно стараться больше, чем остальным.

— Стараться нужно не больше, Мэзэхиро, а лучше. Больше стараться любой глупец может. Способность отойти в сторону, прекратить старания и подумать головой — вот что отличает полководца от простого самурая.

«...Вот что отличает полководца от простого самурая».

Мэзэхиро спешил. Его лошадь тут же увели, а сам он направился в Светлый павильон. Там уже поджидали даймё. Все они встали, стоило ему войти, и глубоко поклонились.

— Ямагучи Кунайю предал нас, — заявил он громко.

— Слышал, время роста вернулось в Западную область?

Взгляд скользнул по говорящему: Сузуму-доно, новый даймё Северной области, так и не уехавший из столицы после назначения. Предыдущего пришлось убрать: он посмел высказаться против решений Мэзэхиро, этот же — дитя дворца. Скорее всего, даже не покинет Иноси, а всеми делами на севере займётся мокудай*.

— Где слышал? — прямо спросил Мэзэхиро.

— Гонцы разносят вести быстро, народ — ещё быстрее.

— Слухи?

— Похожие на правду.

* Мокудай — здесь: заместитель даймё. *Здесь и далее примечания автора.*

Они и были правдой. Он сам видел, как всё случилось. Как мёртвая императрица восстала по воле... Кого? Богов ли? Может ли их Ватацуми покровительствовать чудовищам, убивавшим некогда его детей? Нет, не тот бог, который отдал часть своей силы сыну. Не тот бог, что подарил Кусанаги его советнику.

— Значит, у нашего даймё появилось больше забот: передел земель, посевы — всё то, что не требовало от него никаких усилий, теперь отнимет и время, и силы, и людей. А значит, нападение выйдет коротким и сокрушительным.

— Нападение? — Рю-доно смотрел недоверчиво. В другое время это могло бы разозлить, но Мэзэхиро понимал, что даймё Морской области всю жизнь держался особняком. Отчего бы ему хотеть в это ввязываться? Жители Дзифу и Огненной Земли только и желают, что отсидеться за заливом и не вступать в междоусобицы. Но даймё ждёт разочарование. Остаться в стороне не выйдет. Не в этот раз.

— Верно, Рю-доно. И ваши силы нам тоже пригодятся.

— Как скажете, господин, — покорно склонил голову он. И это послушание стоило огромных усилий тому, кто правил своей областью много лет и оставался за заливом Комо, являясь в Иноси, лишь когда того требовали долг и приличия. Прочие даймё время от времени любили задерживаться в столице, оставляя область на мокудаев, но не Шимизу Рю. Он никогда не был здесь дольше необходимого.

— И нам потребуются ваши лучшие строители.

— Домов? — недоверчиво уточнил даймё. — Но ведь на Юге лучшие в империи.

— Не домов. Кораблей.

Мэзэхиро повернулся к хранителю:

— Вы достали чертежи?

Тот поклонился.

— Боюсь, со времён войны мало что уцелело. — Голос его дрожал. — А того, что осталось, недостаточно для восстановления.

— Я приказал добыть чертежи, а не отговорки. — Он подал знак самураю, и тот обнажил меч. — Вы опозорили своего господина. И позор этот с вашей души смыть под силу лишь Ватацуми.

Хранитель в ужасе распахнул глаза и раскрыл рот, но не сумел ничего сказать. Взмах. Удар точный, прямо в сердце, сплетение ки и ками. Кио только выглядел большим и неуклюжим, но благодаря отточенному умению оставался одним из немногих в его отряде, кто выжил в сражении у стен дворца.

— Коджи-доно, — не глядя обратился Мэзэхиро к южному даймё, — найдите мне того, кто сумеет добыть чертежи для мастеров, которых нам предоставит Рю-доно. Не в павильоне Памяти, так на западе, если придётся.

— Да, господин, — поклонился даймё. В нём Мэзэхиро не сомневался: этот разделял его взгляды и за все годы ни разу не подвёл своего сёгуна.

«Нет глупее полководца, чем тот, кто с малыми силами выступает героем в надежде сокрушить врага слепой яростью». Киоко помнила эти слова Кацу-сэнсэя, сказанные ещё тогда, в Шинджу, когда она усвоила, что война — это путь обмана.

— Не зевай!

Удар. Защита. Она вдруг поняла, что сдаёт позиции.

Кем она стала? Императрица с горсткой союзников. Быть может, позволь она объявить о том, что жива, о том, что Иоши жив, соотношение сил переменилось бы. Но Кунайодоно справедливо заметил, что сейчас у Мэзэхиро слишком много власти и сторонников, чтобы идти на такой риск.

Он прекрасно владел искусством управления народом. Искусством лжи, которой отравлял всех, чтобы они отдали ему свою верность.

— Осторожнее! — послышался голос Норико. Она-то что здесь делает?

Киоко на выдохе развернулась и попыталась атаковать снизу. Ожидаемо безуспешно.

Мёртвые императоры вернулись к жизни... Даже самые преданные роду Миямото усомнятся в том, что это не злые духи и не ёкаи, что Киоко и Йоши — из плоти и крови, а не призраки юрёй, желающие мести.

Пришлось отбросить эту мысль на какое-то время. Конечно, Киоко вернула к жизни весь запад, и слухи уже начали расходиться. Но там, где божественное проявляется так открыто, всегда есть место страху и домыслам. Как бы ей ни хотелось вернуть трон, Мэзэхиро хитёр. Одной своей речью он обратит веру в страх и заставит людей опасаться той, кто сумела сотворить подобное.

— На сегодня довольно. — Хотэку выпрямился и поклонился. Киоко, тяжело дыша, склонила голову в ответ.

Можно было рискнуть, но у них слишком мало союзников. А «нет глупее полководца, чем тот, кто с малыми силами выступает героем в надежде сокрушить врага слепой яростью».

— Опять думаешь о нём?

Сильные руки притянули Киоко и прижали к груди, а нос уткнулся в её шею.

— Я думала, ты спишь. — Она обняла его руки и прикрыла глаза, позволяя телу наконец расслабиться.

— Было бы гораздо приятнее спать, если бы все мысли моей супруги не вертелись вокруг моего отца, — проворчал Йоши ей в плечо. — На самом деле насекомых стало только больше, так что спать днём теперь просто невыносимо.

— Это точно.

Прошлой ночью Норико поймала у них в комнате несколько огромных жуков и заботливо сложила их так, что Киоко, проснувшись, ступила прямо в кучу мёртвой живности. Крик, последовавший за этим, был явно не той реакцией, которую ждала расстаравшаяся бакэнэко.

Киоко развернулась, уткнулась лбом в шею Йоши и вздохнула:

— По поводу Мэзэхиро... Прости.

— Это не упрёк, я просто беспокоюсь. — Он положил ладонь на её макушку и прижал крепче. — Мы ведь, кажется, всё обсудили, а ты отчего-то всё равно переживаешь.

— Не уверена, что мы поступаем правильно. — Она подняла лицо и посмотрела на мужа. — Я понимаю, что власть над умами людей сейчас у Мэзэхиро, и всё же не проще ли было открыться? Он ведь и так знает обо мне.

Йоши погладил её по голове и заверил:

— Нам лучше пока затаиться. В отличие от юной принцессы, сын сёгуна всё же чуть больше изучал стратегию. И если в боях я, несмотря на все усилия, уступал многим самураям, то с задачами Кацу-сэнсэя обычно справлялся без труда.

— Хвастун. — Она поцеловала его в тёплую, ещё немного мятую после сна щёку.

— Никакого хвастовства, только правда, — улыбнулся он, и на щеке тут же появилась ямочка, которую Киоко, не удержавшись, снова поцеловала. — Я понимаю твои опасения и всё же прошу довериться. Даже если сомневаешься, верь мне, ладно?

Он посмотрел ей в глаза. Взгляд был полон уверенности и нежности.

— Я знаю, что предал твоё доверие тогда. Но обещаю: сейчас всё будет иначе. Там, в Минато, я понял, где моё место. Без сомнений, ты — сила богов и символ, за которым последуют. Но, Киоко, не сейчас. Люди пока

не готовы. Не те, что живут в остальных областях. Тем более в Южной.

— Но и там наверняка найдутся союзники.

— Наверняка, — не стал спорить он. — И всё же я вновь попрошу тебя довериться плану, который мы разработали с Кунай-доно. Война с вако обернулась для нас потрясающей возможностью, а твой дар наполнил сердца живущих здесь верой. Давай не будем ставить под угрозу то, что мы уже обрели.

Он прав. Как бы ей ни хотелось покончить со всем поскорее, как бы ни было страшно медлить, давая Мэээхиро больше времени, Иоши и Кунай-доно гораздо лучше понимали, что делать, чтобы не растерять всех немногочисленных единомышленников.

— Это было ужасно, — зевнула под ногами Норико. — Ты же понимаешь, что Хотэку тебе поддавался?

— Наставник никогда не сражается с учеником в полную силу. — Иоши скосил глаза на бакэнэко.

— Не умничай, — клацнула зубами та.

Киоко усмехнулась. Норико в последнее время стала просто невыносимой. И вряд ли дело было действительно в успехах Киоко. Скорее уж причиной её особенной несклонности был сэмпай.

— Смеёшься? А между прочим, Фумай-сэнсэй спрашивал о тебе. — Её хвост раздражённо лупил по сторонам.

— Правда? — Киоко отстранилась. — Он всё же согласен взять меня на обучение?

— Как будто у него есть право отказаться, — усмехнулся Иоши.

— О, он был бы рад избавить себя от этой необходимости. Когда я спросила про обучение в школе, он посмотрел на меня так, словно я заставила его проглотить сколопендру.

Иоши тут же посерьёзnel.

— Если хочешь, я с ним поговорю.

— Меня радует, что ты теперь хотя бы спрашиваешь перед тем, как делать глупости, — не смогла не отметить Киоко. — Не беспокойся, с этим я и сама в силах разобраться. Не думаю, что мне пойдёт на пользу, если император будет вступаться за меня по каждой мелочи.

— Как скажешь. Откажет — так казним. Это запросто.

— Йоши!

— Я пошутил, — ухмыльнулся он. — Или нет. Вообще-то за такое действительно положена казнь. Можешь себе представить, чтобы кто-то ослушался твоего отца?

— Знаю я одного человека...

— И даже он не посмел сделать это открыто! Что очень позорно для самурая, между прочим.

Норико нетерпеливо мякнула, и Киоко тут же спохватилась:

— Надо поговорить с ним, раз уж он обо мне спросил.

— Поговори. — Йоши поцеловал её напоследок и отпустил. Это стало уже таким обыденным... Ещё одна причина не торопить события. Никогда и ни при каких обстоятельствах императоры не ведут себя на людях подобным образом. И если ей нужна поддержка двора в Иноси, то придётся принять его правила.

— Укрепим Юномачи здесь и здесь. — Кунай-доно отметил искусно вырезанными фигурками самураев южную и восточную стороны города.

— Не стоит недооценивать север, — возразил Йоши. — Мэзэхиро не глуп, он знает, что мы будем ожидать атаки с юга.

— Конечно, — подтвердил Кунай-доно. — Поэтому мы укрепляем восток так, чтобы это тоже было заметно. Вы, Первейший, упускаете, что я сам позволил ему узнать о Минато. В этом наша сила.

— Сыграть на его ярости?

— Сёгун порывист, но не глуп. Он не станет действовать бездумно. Мы оставим ему слабоукреплённый — на первый взгляд, конечно же, — север. Там холмы круче и выше, к городу подступиться сложнее. Он решит, что мы стянули бо́льшую часть сил к востоку и югу, как сделал бы любой в нашем положении, а нам это и на руку.

— А что другие провинции? Столица ведь по документам в провинции Сейган?

— Кюрё никому не нужен. — Даймё раскрыл карту Сейган. — Вот здесь, — указал он на холмы, — видите, не подобраться. Город со всех сторон неудобен. Некогда мои предшественники там действительно жили, но война, скудость земель — и это место стало совершенно невыносимым.

— Но с тем, что сделала Киоко-хэика...

— День возрождения! Думаю, это станет новым государственным праздником, — усмехнулся Кунайо-доно. — Вы правы. Теперь Кюрё вновь становится выгодным местом, скрытым среди холмов и почти неприступным. Однако Мэзэхиро не станет ждать, пока туда переселится весь дворец. Нет, войска сёгуна нападут, пока мы здесь. И я не думаю, что у нас много времени.

— Пара месяцев?

— Не настолько мало. Полгода наверняка есть.

Июши в это не особенно верилось. Отец ненавидел ждать, с чего бы сейчас станет?

— Вижу ваши сомнения, Первейший. Однако сёгун знает, на что вы способны. Справиться с вако, отстоять город — не каждому такое под силу.

— Не без помощи ваших самураев.

— А возродить землю, столетиями бывшую мёртвой? Это его напугало. Он не знает, насколько сильна Киоко-хэика. Легенды о героях с Сердцем дракона весьма красочны, вы ведь понимаете.

— То есть он боится поражения.

— Как и всякий военачальник. Постепенно он будет стягивать к границам Западной области все военные силы. Или, во всяком случае, бóльшую их часть.

— Тогда нам конец, — заключил Йоши.

— Не погибайте раньше времени, Первейший. Полагая, это сражение станет не концом, а началом войны.

Нос щекотал аромат вишни. Время роста здесь словно решило взять всё, что ему причиталось за предыдущие годы, и теперь земли Западной области благоухали так, что Норико то и дело чихала.

Вот и сейчас, чихнув и спугнув тем самым яркую бабочку, она раздражённо потёрла нос лапой.

— Тебе лучше поохотиться где-то подальше от сада, — раздалось сзади.

— Птиц, больше не подкрадывайся, — резко бросила она, не оборачиваясь.

— Что, цветы мешают почуять запах?

— А сам-то? Небось по чихам меня и нашёл.

— Вообще-то я пришёл сюда отдохнуть, не искал тебя.

Норико обернулась и запоздало поняла, что смотрит со слишком уж откровенным удивлением.

Хотэку усмехнулся и, сев под раскидистыми ветвями сакуры, поманил её к себе. Она не сдвинулась.

— Да брось, ты же ничем не занята.

— Я собиралась помочь Киоко.

— У неё сейчас по распорядку отдых.

— А ты, значит, выучил её распорядок?

— Нет, просто знаю, что после наших занятий она по моим же рекомендациям принимает тёплую ванну, расслабляет мышцы и отдыхает.

Норико фыркнула: ответить ей на это было нечего.

— Так что? — Он раскрыл руки в приглашающем жесте. Нехотя подойдя, она поставила передние лапы ему на ноги и заглянула в глаза.

— Только чтобы ты не умер в одиночестве от скуки.

— Конечно, — улыбнулся он. Норико поднялась и улеглась на его бёдрах. Хотэку тут же опустил руку ей на макушку и стал почёсывать.

Наверное, не стоило ему такое позволять. Наверное, не после того, как она столь долго игнорировала его подарок. И до сих пор не выяснила, что это за голубые цветы-звёзды... Наверное, надо было им поговорить. Открыто, как это делают все нормальные люди и ёкаи. Только вот страх был сильнее разума.

— Даймё предполагает, что Мэээхиро нападёт только через полгода.

Норико была благодарна, что он заговорил о деле. Это отвлекало от непрощеных мыслей. Они обязательно обсудят всё, но позже. А пока не до того. Пока есть заботы поважнее.

— С чего бы ему столько ждать? Самураев взял — и пошёл.

— Он знает о силе Киоко-хэики.

— Он и раньше знал, это ему не мешало.

— Знал, да только она за это время стала сильнее, и он это видел.

— А за полгода станет ещё сильнее. Кажется, медлить — не самый выгодный для него вариант.

— Медлить — нет. Готовиться — да.

— Собирает армию побольше?

— Или посильнее.

Норико перевернулась на спину, чтобы видеть его лицо.

— Что ты имеешь в виду? Эй, не трожь живот! — Она вскинула задние лапы, готовая обороняться.

— Извини. — Хотэку послушно переместил руку выше и почесал ей грудку. — Думаю, он усиливает армию. Одно из основных правил стратегии — избегать осад города.

Война должна быть короткой, лишь тогда шансы на победу действительно высоки. Что он может сделать сейчас, так это стянуть сюда самураев из других областей и окружить Юномачи. Нападут — и мы, скорее всего, отобьёмся. Это будет стоить многих жизней, но у нас будут шансы, потому что мы защищены стенами и здесь неудобные подходы к городу. Армия сёгуна при этом будет у нас на ладони — лёгкая мишень.

— Ты ведь никогда до этого не воевал?

— Никто из ныне живущих в Шинджу не воевал.

— Откуда ж тогда познания?

— Я ходил в школу, — пожал плечами Хотэку. — Такое заведение, где передают опыт прошлых поколений. Может, знаешь?

— Тебе руку отгрызть?

— Просто спросил, — примирительно сказал он, но глянуть на всякий случай перестал и, слегка откинувшись назад, упёр обе ладони в землю. — Как проходило обучение в Яманэко?

Норико фыркнула:

— Кому повезло больше — у тех были наставники. Кому меньше — тот умеет только охотиться.

— А тебе?

— Я умею читать и писать. Кстати, была удивлена, что наша письменность мало чем отличается от здешней, — быстро сменила тему Норико. Говорить о своём прошлом ей совсем не хотелось.

— Я заметил, что и в Шику так же, — кивнул Хотэку.

— Ну это как раз неудивительно: кицунэ и бакэнэко сотрудничают и обмениваются опытом. А вот Шинджу — закрытая страна. Я не ожидала, что увижу здесь хоть что-то такое же, как дома.

— Согласен, это удивительно. Хотя не более, чем та твоя человеческая ки. У меня люди на материке вызывают куда больше вопросов.

— Потому что они не похожи на вас? — Норико перевернулась и, ловко спрыгнув, отошла в сторону.

— Вовсе нет, — заверил Хотэку. — Просто все здесь уверены, что люди — дети Ватацуми, а дом их — эти острова.

— Если тебе так интересно — спроси Киоко.

— Но ведь ты жила рядом с теми, другими людьми. Расскажи, какие они?

— Зачем? — Она взмахнула хвостом, привычно обратилась и взглянула на Хотэку сверху вниз. Он не смутился, как это было в первый раз. По-прежнему смотрел в глаза. — Так они выглядят, и это всё, что я о них знаю. Нравятся? Хочешь узнать их получше — отправляйся на юг за Яманэко. Там таких полно.

Она замолчала, с вызовом удерживала взгляд. В конце концов он спросил:

— В чём дело?

— Что? — не поняла Норико.

— Что тебя задевает? Моё желание понять, что из легенд и историй правда, или моё любопытство к тем, чью ки ты надеваешь?

— Меня не... Что ты о себе возомнил, птиц?

— Ты злишься.

— Всё из-за твоих глупых вопросов.

— Знаешь, Норико, может, мои вопросы и глупые, но они открытые и честные.

Стало ясно, что речь шла уже не о вопросах. Хотэку ступил на лезвие и хотел, чтобы она последовала за ним.

— Если тебя интересуют легенды и история — обратись к Киоко, — проворчала Норико, уводя разговор подальше от опасного для неё поля. Она вернула кошачий облик, уже жалея о своём вызывающем поведении. Было бы славно позлиться на Хотэку, но она знала, на кого эта злость направлена на самом деле.

— Боюсь, на вопрос, который меня интересует больше прочих, у Киоко-хэики не найдётся ответа, — улыбнулся он, и улыбка эта вызвала у Норики зудящую тоску.

Она проворчала в ответ что-то невнятное и бросилась прочь.

Чо вдыхала аромат жареного тофу и улыбалась. Никогда Юномачи ещё не был таким свежим, прохладным и приятным. Пыльный каменистый город стал цветущим садом, как и вся область, и она чувствовала, как сама зацвела. Где-то в душе пробивались ростки веры в то, что и здесь можно жить, и в Шинджу можно обрести покой и счастье.

— А это что? — Ёширо с совершенно детским писком бросился к прилавку и подхватил простую деревянную кандзаси с не слишком искусно выточенной и разрисованной лисичкой.

— Заколки для волос, — улыбнулась Чо.

— С лисой!

Она усмехнулась:

— Да, на Западе такие чаще встречаются. В других областях вас любят меньше.

Он обернулся, и глаза его удивлённо расширились.

— Почему?

— А почему людей недолюбливают в Шику?

— Справедливо.

Он покрутил заколку в руках, а затем обратился к торговке:

— Сколько стоит?

Та насторожённо посмотрела на его неряшливо торчащие рыжие пряди, которые Ёширо продолжал усердно подрезать, и робко ответила:

— Медяк.

— Так мало?

— Ёширо, это не мало, — шикнула Чо. — И зачем тебе кандзаси?

Он улыбнулся одними глазами и, бросив монету на прилавок, приблизился к Чо со спины.

— Стой смирно!

— Что ты делаешь? — Она попыталась обернуться, но он не дал. Чо почувствовала, как пальцы коснулись шеи и, пробежав по затылку, поднялись выше, к собранному пучку.

— Точно, у тебя такая же.

— Ёширо, что ты делаешь? — повторила она свой вопрос.

— Чш-ш-ш, подожди. — Он чуть подвигал пучок в стороны. — Ага, понял!

Пряди тут же рассыпались по плечам.

— Ну и зачем?

— Терпение.

Он собрал рассыпавшиеся пряди и, судя по всему, заново сооружал Чо причёску.

— Ты ведь знаешь, что трогать волосы женщины считается неприличным? Особенно вот так, при всех. Да ещё и не своей супруги.

— Нет, не знал. — Он развернул Чо лицом к себе и улыбнулся. — Больше не трогаю.

Торговка на немой вопрос девушки подала малюсенькое бронзовое зеркальце. Чо повернулась боком и постаралась рассмотреть пучок. Он вышел на удивление аккуратным.

— Ты как будто всю жизнь волосы собирал, хорошо получилось, — одобрительно заметила она.

— Тебе нравится?

У пучка сидел кицунэ.

— Пусть остаётся. — Она взяла у Ёширо свою старую кандзаси, поклонилась торговке и пошла вперёд. Ёширо поспешил за ней:

— Знаешь, ты была бы немного счастливее, если бы позволяла себе радоваться.

— Я позволяю.

— А вот и нет.

— С чего бы нет?

— Так тебе нравится?

— Я же сказала.

— Ты сказала, пусть будет.

— Если бы мне не понравилась заколка, я бы её просто не приняла.

— Там кицунэ.

— Я знаю.

— У него три хвоста.

— Три? — удивилась Чо. — Я подумала, два.

— Кончик третьего виден из-за спины, но нужно при-
смотреться.

— Вот как. Тогда почему ты её взял? Я решила, что как раз из-за двух хвостов.

— Это на вырост, — усмехнулся он. — Но вообще я вспом-
нил о Кайто.

Кайто... Конечно.

— Прости, я не подумала...

Внезапно стало неуютно. Чо не умела утешать даже себя, что уж говорить о других.

— Да ты и не знала, сколько у него хвостов. Всё хоро-
шо, — заверил Ёширо, и в голосе его правда не слышалось
грусти. — Я принял его смерть, как и он сам. Кайто всю
жизнь искал свободу — и наконец обрёл её.

То, что в свои слова Ёширо безоговорочно верил, было
заметно и по его полуулыбке, и по его сверкающим изум-
рудами глазам. Он не был опечален. А если и был, это была
светлая печаль. Печаль того, кто расстаётся с близкими на-
всегда, но знает, что тех ждёт впереди лучшая жизнь. Или
посмертие, которое лучше жизни.

Чо осторожно коснулась заколки и нащупала кончик
каждого хвоста.

— Может, пришло время отрастить волосы, чтобы укра-
шать этой кандзаси свои? — спросила она.

Ёширо только покачал головой:

— Длинные волосы — привилегия тех, кто не обращается больше в лисьи ки. Это ещё и признак статуса, такие положены лишь осё и дайси. А меня, как ты понимаешь, так уже никто и никогда не назовёт.

— Но ты больше не в Шику. И тем более не в монастыре. Разве всё ещё обязательно следовать этим правилам?

— Милая Чо. — Он погладил её по щеке, и Чо от неожиданности замерла. — Сога долгое время была смыслом моей жизни, а вера ею и осталась. Если я предам то, во что верю, отрекусь от правил — что от меня останется?

— Ты, — только и смогла выдавить она. — Ты оста-
нешься.

Ёширо не согласился:

— Каждому нужна опора. У тебя тоже есть что-то, во что ты веришь, ради чего просыпаешься по утрам и живёшь. У обычных кицунэ, как, наверное, и у людей, это цели. Но цели состоят из желаний и рано или поздно иссякают. Наверное, за человеческую жизнь не успевают, но дай людям хотя бы пару веков — и они устанут от погони. Что тогда заставит их подниматься с постели каждое утро?

Она замялась, не зная, что ответить.

— Я просто храню верность выборам, которые совершил. Ушло время сомнений.

— Но Инари лишила тебя ки, — попробовала возразить Чо. — Это недостаточный повод отказаться от её почитания?

— И она же вернула мне её.

— После смерти твоего брата.

— Который стал ногицунэ, сам избрал такой путь.

Зелёные глаза устремились к небу, и Чо почувствовала облегчение, освободившись от слишком близкого взгляда.

— Я признаюсь: на какой-то миг моя вера пошатнулась. И всё же богам известно куда больше, чем нам, на всё есть причины. Если Кайто отдал жизнь, чтобы мёртвые земли возродились, значит, он погиб лучшей из смертей.

— Тогда почему я? — всё ещё не понимала Чо.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему ты отдал кандзаси мне? Почему не Киоко-хэике? Она ведь была рядом в тот миг. Деревянные украшения, конечно, не для императриц, но как память...

— Я отдал её тебе не как память.

— Нет?

— Нет. Я отдал её тебе как... Считай это оберегом.

— Оберегом?

— Трёххвостые кицунэ сильны. Так что, если когда-нибудь — не думаю, что такое случится, но вдруг — потеряешь веру в себя, просто вспомни, что с тобой сила трёххвостового кицунэ.

Чо улыбнулась. Это была такая наивная глупость, какая действует разве что на детей, но ей не хотелось обижать Ёширо: слишком уж искренним он с нею был. Наверное, со всеми, и всё же это порой обескураживало. Но ещё больше — обезоруживало перед ним.

— Спасибо, — только и сказала она.

А он уже шёл к другому прилавку.

— Как у вас много всего с драконом!

— Это Ватацуми! — предупредила она, нагоняя.

— Как у вас много всего с Ватацуми! — Он уже щупал какую-то пиалу и почти наверняка намеревался её купить.

Чо вздохнула и потянулась, чтобы схватить его за руку и увести с рынка, пока он бездумно не истратил свои деньги, но внезапно все её чувства обострились. Она ещё не успела осознать опасность, обдумать, что именно её насторожило, а тело уже напряглось, подобралось, готовое отразить удар.

Рынок кричал ей в ухо о дешёвых угощениях, в нос бил запах лака от прилавков с посудой, всё было как всегда, и всё же что-то неуловимо поменялось.

— Долго собиралась прятаться, бабочка Чо? — раздавалось над ухом. Её рука едва успела дёрнуться — и холодная

сталь обожгла шею сзади. — Не рыпайся, подруга, лучше посмотри на своего лисёнка. — В голосе Тору сквозило превосходство, знакомое ей с их совместных тренировок.

Ёширо держал в одной руке ту самую пиалу с не слишком умело нарисованным Ватацуми, а другой пытался отсчитывать медные монеты. На первый взгляд казалось, что ему ничто не угрожает, но Чо уже заметила между прилавками поодаль Митсеру. Он почти не двигался. Затаился, готовый по первому сигналу Тору убить парня.

— Он тебе нужен? Бери. — Её голос остался невозмутимым. — И убери танто, я не враг своему клану.

— Ты не враг своему клану, — усмехнулся Тору, поглаживая её по щеке так, что со стороны наверняка казалось, будто он лишь договаривается о цене одной ночи, что было в этих обычно бесплодных землях привычным делом. — Поэтому ты нас бросила? Единственная ученица Иши-сана, что должна была стать нашим лекарем. Та, которой он доверил продать мёртвую императрицу сёгуну и обеспечить клану достойную жизнь, и та, что сбежала с ней, как только поняла, что это шанс свалить с острова.

Он схватил её за плечо и резко повернул к себе, так что теперь остриё упиралось прямо в горло.

— Одного не пойму, — прошептал Тору, заглядывая в её глаза. — Почему вернулась?

— Потому что я не сбегала. — Чо не слишком умело лгала, но время с Киоко-хэйкой кое-чему её научило. — Я просто умею делать верные выборы. У сёгуна нет шансов, Тору.

— Что за чушь ты...

— Послушай, — прервала она. — Ты видел, что случилось с Западной областью. Ты знаешь о силе императрицы. Все знают. Какая бы армия у него ни была, она — ничто против богов. А боги на стороне Миямото.

— Ты не могла этого знать тогда, — выплюнул он. — Ты струсила и сбежала в поисках спокойной жизни. Наплевав на клан. На семью. На Ишу-сана, который тебя приютил.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

